

И.Н. Макаров

*Два
следа*

18+

Игорь Макаров

Два следа

«Автор»

2014

Макаров И. Н.

Два следа / И. Н. Макаров — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-95014-6

Как и предыдущие сборники - это тоже микс из трёх сборников: "Два следа", "Винегрет" и, как в предыдущем случае, дополнен до необходимого объёма стихотворениями из сборника "Чёрная богиня".

ISBN 978-5-532-95014-6

© Макаров И. Н., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Вступление и не только к этому сборнику	5
Два следа	6
Тебе всего-то восемнадцать...	7
Опять рука небрежно чертит...	8
Мы прожили много...	9
Романс	10
Мне верба погрозила веткою...	11
Ой, девица! Ах, девица...	12
Вьюга веет, вьюга веет...	13
Шёл снег. Метель вязала петли...	14
Две женщины	15
Где ж мой друг...	16
Приговорёнными к расстрелу...	17
Могилы былых поэтов...	18
Из Есенина – Есенину	19
Поэты долго не живут в России...	20
Лето ждёт листопада...	21
Я не растрогаюсь до слёз...	22
Какая жизнь? Тягучая отравка...	23
Вариации	24
Весенний день теплом умойся...	25
Мрачно. Ночь за окном...	26
Сосна чернеет на пригорке...	27
Моя слава заплутала...	28
Повесть про любовь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Макаров

Два следа

Вступление и не только к этому сборнику

Несколько слов я обязан сказать о данном сборнике, что, впрочем, касается и других моих собраний подобных опусов: все они писались по одному принципу. Сей принцип был весьма прост: всё написанное за определённое время сваливалось в одну кучу, присваивалось последнему названию, скорее наименованию, поскольку меня так и тянуло ляпнуть в заголовок просто номер. Номер сборника пять или шесть. Право, круто смотрится, но меня бы никто не понял, поскольку они как-то приближенно относятся к стихам, а не к канцелярским писаниям типа: Дело № 5 или палата за номером... Всё следовало своим разумным чередом до тех пор, пока я не решил всю эту ерунду слепить в книжонки, чтоб не только мучится с ними tet-a-tet, но и немного по доставать знакомых и незнакомых граждан своими нетленными опусами. Вот на этом этапе всё моё делопроизводство полетело в тартарары. Поскольку я собирал сборники стихов штук по сорок и чуть более, а злые издатели лепили их по знакам, в том числе препинания, то этих стишков требовалось более сотни на книжицу. Пришлось лепить по два сборника в кучу, ко всему прочему и раздербанить последний из них, тем самым положив его на алтарь рождения на свет всех остальных моих стихоплётных страданий. С названием было, конечно, проще, поскольку я ставил то, какое мне больше нравится, а в название сборника – название стихотворения. Леня всегда мудра и неповторима в своём движении ума и, в совокупности, – тела. Поскольку я напрочь забыл, когда и что я писал, то везде получилась окрошка из писаний разных времён. Так что не обессудьте, тем более взгляды меняются, а со временем становишься не только умней, но даже и в детство впадаешь.

Ладно, не будим вас больше досаждать стишочками, – как-то тянет на большие формы, а мелочь подобная уже становится как-то неподъёмной, – трудно нагибаться за каждым опусом. Стареем, тем более я уже пережил не одну попову собаку.

В заключение окучу ещё один возможный вопросец: почему у меня обложки в основном чёрные с красным. А фиг его растущий на пальме знает – нравятся они мне и всё. С чёрным вроде бы и ясно – чужая душа потёмки, а красный? Кровь? Крови в своё время я пустил предостаточно, правда не человеческой. Так что иногда даже воротило от её излишков. Нравится мне почему-то это сочетание, по крайней мере, не тривиальное черно-белое.

Два следа

Я благодарен за страдания,
Я благодарен за глаза,
Я благодарен за свиданье,
Где душу тронула слеза.

Я благодарен за улыбку,
За страстный сладкий поцелуй,
И плоскую шальную шутку,
За то, что был я обалдуй.

Я благодарен, что расстались,
За то, что развела судьба,
Но в сердце всё ж моём остались
Два поцелуя, два следа.

Тебе всего-то восемнадцать...

Тебе всего-то восемнадцать
И у тебя весёлые глаза:
Хотя сказала: "В общем двадцать",
Но смеётся бирюза

Тех весёлых глаз девчонки,
Что обманет просто так,
И достанет до печёнки-
Даже если не дурак.

И рассыплет смехом дробным
Голосок свой по темну,
И сочтёт весьма удобным,
Что в объятых я сомну

Ту девчонку, что смеётся
Над седую головой,
Что в объятых слабо бьётся-
Совладаешь ли со мной?

х х х

Тебе всего-то восемнадцать,
Ты ищешь поцелуй во тьме,
А мне соврала: "Было двадцать",
Хоть это всё равно уж мне.

Опять рука небрежно чертит...

Опять рука небрежно чертит
Твой лик безбожный на стекле,
И мысль опять бывшее вертит-
И снова мы у времени в петле.

В петле времён, что захлестнула лихо
Мне сердце прошлым лишь на миг,
Что пронеслось и опустилось тихо
И я в окне мгновение застиг.

Застиг и начертил небрежно,
Иль просто лик обвёл я на стекле,
Что растворится неизбежно
И в памяти, как растворился на окне.

х х х

Но почему рука всё время чертит
Твой лик на полотне стекла,
И память облик потускневший вертит,
Печаль на сердце пролегла?

Мы прожили много...

Мы прожили много
Непечальных дней,
Не суди их строго-
Будет веселей.

Будет, может, грустно,
Тошно может быть,
И в карманах пусто-
Хочется завывать.

Может все невзгоды
Соберёшь в клубок:
Скрутят душу годы,
Чёрт толкнет под бок.

И друзей схоронишь,
Или предадут,
Стопку ли уронишь-
Больше не дадут.

х х х

Мы прожили много
Непечальных дней,
Улыбнись нестро-
Что ж ты? Веселей!

Романс

Как давно не звучали те речи,
Не шипело в бокалах вино,
Не пылали полночные свечи-
Как же было всё это давно?

Где вы ныне, друзья? Где вы ныне?
Может, пухом вам стала земля?
Может, вы позабыли отныне,
Что была дружбы нашей семья?

Ну, придите! Камин уж пылает,
Вина ждут, и накрыты столы.
Но заря, но заря отгорает
И места ваши ныне пусты.

Я вас жду. Отзовитесь скорее!
Кто и жив, кто и в бозе почил.
Ну, стучите! Минут не жалея
Я так долго, так много прожил!

Открывайте вино, уж оно застоялось!
Пусть забудет жена про любовь,
Так нам мало уж с вами осталось:
Дружбы нашей печальная новь,

Нам остались весёлые речи,
Нам остались печальные дни,
Нам остались старости печи,
Да весёлости прежней огни.

Наливайте бокал, одинокий я ныне
Пью вина мрачный, тяжкий стакан
И веселостью прежней отныне
Полощу боль минувшую ран.

Мне верба погрозила веткою...

Мне верба погрозила веткою,
Сосна махнула мне рукой,
И жизнь уж не казалась клеткою,
А ты такую, раз такой.

И всё моллось в мельнице времён,
Всё становилось пыльным тленом,
Я этим временем, как все, клеймён
И по волнам его плыву поленом.

Но верба машет мне рукой,
Сосна грозитя тихо веткой-
И маюсь я недолго над строкой,
А больше развлекаюсь я с соседкой.

И пусть грозит мне время вновь потопом,
И пусть бурлит кругом река времён,
И пусть ждут сложности и смерть потом,
Но этим временем я, как и вы, пленён.

х х х

Мне верба погрозила веткой,
Сосна махнула мне рукой,
И жизнь моя не стала клеткой,
Где смерти уж витал покой.

Ой, девица! Ах, девица...

Ой, девица! Ах, девица,
Наклонись же мне не грудь.
Что молчишь отроковица?
Всё на свете позабудь.

Позабудь, что будет завтра,
Что пройдут твои года,
И умрешь ты послезавтра-
Не спеши хоть иногда.

Не ужель не слышишь сердце
Бьётся с трепетом во мне,
Иль в речах добавить перца
И обнять твой стан во тьме.

Наклонись, шафраном губы
Дышат в тишине мирской,
И в ушах надрываются трубы,
И прибой ударяет морской.

х х х

Ой, девица! Ой, красотка,
Наклонись же мне на грудь,
Ведь в душе играет водка,
Сердце к сердцу ищет путь.

Вьюга веет, вьюга веет...

Вьюга веет, вьюга веет,
Под землю лето зреет,
Прячет нежные ростки,
Строит снежные мостки,

Выстилает настом белым,
Покрывает снегом спелым.
Обметает ели, сосны,
Что скукожены и постны.

Засыпает след несмелый,
Намела сугроб уж целый,
В небе разогнала тучи,
Сделала снега сыпучи,

С тем отправилась и спать-
Не всё время же играть.
Вьюга веет, вьюга веет,
И мороз играть умеет.

Шёл снег. Метель вязала петли...

Шёл снег. Метель вязала петли
По асфальту промёрзших дорог,
Люди их-то совсем не заметили
И спешили в тепло со всех ног.

А метель выплетала полотна белёдые
Ткала ткани, плела кружева,
Только люди, совсем уж несносные,
Всё считали: она не права.

Но она это даже не знала,
Только с ночь мешала снега,
Только петли свои выплетала,
Как умела и, в общем, могла.

х х х

Шёл снег. Метель носила вихри
По асфальту холодных дорог
И под утро они уже стихли,
Но засыпав мне снегом порог.

Две женщины

Две женщины на свете есть:
Одну ты любишь,
А другую ненавидишь.
Две женщины на свете есть.

Они в тебе живут неразделимо,
Они и в жизни на одно лицо,
Они в душе своей незримо:
Одно всем говорят словцо.

Они и тело лишь одно имеют,
Они и душу-то не делят пополам,
Они и думать-то о том не смеют,
Что ясно уж давно всё нам.

х х х

Две женщины на свете есть:
Одну ты любишь, радуешься с ней,
Другую, всё ж считаешь ты своей...
Две женщины на свете есть.

Где ж мой друг...

Где ж мой друг?
Куда ж опять смотался?
Иль по пьянке недосуг?
Иль ещё не отоспался,

Или тискаешь подруг?
Выползай скорей на волю,
Друг ты мне или не друг-
На охоту мы по полю

Мотанём неожиданно, вдруг.
Пусть и пусто будет поле,
Пусть и зайцы не про нас,
Но нет лучше этой доли,

Пусть ругают и не раз.
У костра душа коптиться,
На огне кипит еда,
Не до бабы ж нам стремиться-
Баба просто ерунда.

х х х

Где ж мой друг? Куда ж подался?
Или всё ж он подруг?
Или в лес уже умчался?
Или просто недосуг.

Приговорёнными к расстрелу...

Приговорёнными к расстрелу
Берёзы белые стоят.
И кто-то ободрал им руку – белу,
Теперь те раны и саднят.

И ноги в снег упёрли жесткий,
И головы достали до небес,
Наряды их подстать – неброский,
Кругом же только черный лес.

Пеньки и кочки, и осина рядом,
И берег круто вниз пошёл,
Они же выделяются нарядом,
Как будто бог на землю снизошёл.

х х х

Приговорёнными к расстрелу
Берёзы белые стоят,
Но по весне распустят почку смелу
И оживут они опять.

МОГИЛЫ БЫЛЫХ ПОЭТОВ...

Могилы былых поэтов:
Гранит, обелиск и цветы,
Могилы былых поэтов,
Но, может, так ляжешь и ты?

Тебе притаранят надгробье,
Тебе принесут цветы,
Твое изготовят подобье,
Но это не будешь уж ты.

Могилы былых поэтов:
Гранит, обелиск и цветы,
Могилы былых поэтов:
Но там не найдешь их ты.

Из Есенина – Есенину

Мне ли злиться теперь, не злиться-
Распластался в ночи соловей.
Мне ли спится, уже и не спится,
Что творит этот милый злодей.

Он стихи собирал в пригоршню,
А слова разметал на ветру,
Гимны пел и коню, и мотору, и поршню,
Что реветь начинал поутру.

Он не знал ни пути, ни дороги,
Он хвалил, что не нужно хвалить,
Он умылся росой, промочил только ноги,
Продолжая до смерти дурить.

И расстался он с жизнью поэтом,
Расплатился стихом и луной,
И не плакал, не думал при этом,
Что останется рядом со мной.

х х х

Мне ли злиться? Зачем уже злиться?
Что поёт до утра соловей,
Просто мне отчего-то не спится
И в мозгу лишь Есенин-злодей.

Поэты долго не живут в России...

Поэты долго не живут в России,-
Так просто принято у нас.
Поэтов почитают как Миссию,
Но убивают каждый раз.

И, почему поэтам плохо
Живется на Руси святой?
Иль нет свободного им вздоха?
Иль кажется, что он святой?

Иль роль он бога вдруг освоил?
Иль слишком волен на Руси?
Иль право вдруг себе присвоил
Судить. Поди ж ты их спроси?

Или блажен, или юродив,
Иль слишком умный он – дурак,
Не скажешь: он правдив,
Иль потерял весь страх?

х х х

Поэты долго не живут в России,
Так просто принято у нас,
Их даже любят, почитая, как Мессию,
Но не хранят их и сейчас.

Лето ждёт листопада...

Лето ждёт листопада,
А зима ждёт весну-
Мне все это не надо,
Просто в травах усну,

Под жужжание мухи,
Под шуршанье листа,
Пусть и ползают слухи,
Что погода не та,

Что морошное небо,
Что уж лист пожелтел,
Что не будет, мол, хлеба,
Столько сколько хотел.

Что сегодня, мол, сердце
Подвело просто так,
Пересыпали перца-
Борщ не выйдет никак.

И ещё говориться,
И про лето, весну,
Мне же сладко так спиться,
В травах снова усну.

х х х

Лето ждёт листопада,
Осень снега с опаскою ждёт,
А метель мне не надо,
Но она, как пришла, так уйдёт.

Я не растрогаюсь до слёз...

Я не растрогаюсь до слёз,
Не буду слушать я стенанья,
Напьюсь я сока у берёз
И смою у ручья страданья.

Я позабуду страх и горечь,
Не буду думать и роптать,
Смешаю день и даже полночь,
И буду губы я искать.

Искать весенние мгновенья,
Искать отраду и стихи,
И смою все свои волненья,
И отпущу себе грехи.

И боль забуду, вкус страданья,
Забуду склоки и борьбу,
Лишь буду я тебе признанья
Шептать, не прокляня судьбу.

х х х

Я не растрогаюсь до слёз,
Не буду слушать я стенанья,
Напьюсь я сока у берёз,
И смою у ручья страданья.

Какая жизнь? Тягучая отрав...

Какая жизнь? Тягучая отрав.
А что намешано в душе?
И, кажется, что баба права:
Что опустился я уже.

Что все мои стихи – забава,
Что мужикам они лишь блажь,
Что для души стихи – отрав,
Что ломаной деньги за них не дашь.

Что за великими мне не угнаться,
Что Пушкин лучшие писал стихи,
Что мне не стоит здесь стараться,
Что ей виднее все мои грехи.

Что зря я просто гроблю время,
Что деньги лучше для её души,
Что мужики ленивейшее племя,
Что лучше б все они ушли.

х х х

Какая жизнь? Тягучая отрав.
И ничего уж нет в душе.
А может быть она и в чём-то права,
Но, жаль, писать не брошу я уже.

Вариации

А напыюсь я небом,
Ветром и дождём,
Обожгусь я снегом,
Солнечным огнём.

Я пройду тропинкой, -
Мой растает след.
Сгину я травинкой, -
И меня уж нет.

Я в тайге растаю,
С листьями сгнию,
Версты прошагаю,
Сердце напою

И укурюсь снегом,
Палою листвой,
И отмечусь небом,
Тронушь головой.

Весенний день теплом умойся...

Весенний день теплом умойся,
Как умывался снежною водой,
Небесам цветком откройся,
Цветом нежным, может, резедой.

Жаль, не знаю цвета лета.
Что цветёт весной?
Но пишу, зачем про это?
Я весной больной.

Мне зима всего дороже.
Мне зачем весна?
А снега глядятся строже-
Там лыжня вольна,

Там душе весьма просторно
Среди скал крутых,
Там дорога лыжам торна:
Время для святых.

А весной промокнут ноги,
Негде и присесть,
И нигде там нет дороги:
В топи не пролезть.

х х х

Но весна теплом умоется,
Изойдет травой,
Лето следом приоткроется-
Буйной головой.

Мрачно. Ночь за окном...

Мрачно. Ночь за окном.
Слишком мокро, тоскливо и глухо.
Только мысль об одном:
Было б мне лишь тепло и сухо.

Только бесится ночь,
А гроза выплетает по небу нити.
Не спешит она прочь,
Да и ветер не сбавит прыти.

И стучится тяжелая ставня в окно,
Гнётся дерево, ветки клоня,
Мира нет, лишь мельканье одно.
Ветер кружится, тучи гоня,

Дождь за порогом – сплошной стеной,
И огни за стеной этой тоже не видны.
А поток с крыши льёт и такой ледяной,
Что оковы дождя тяжелы и до боли обидны.

х х х

Мрачно. Ночь за окном.
Слишком мокро, тоскливо и глухо,
И ложатся стихи об одном:
Облаках, что нежней лебединого пуха.

Сосна чернеет на пригорке...

Сосна чернеет на пригорке,
И тишиной пугает лес,
Узор, как на оконной створке,
И бархат сыплется с небес.

Он оседает на ветвях и хвое,
Он убирает всё кругом,
Деревья исчезают, гордо стоя,
А снег кружиться чуть ли не бегом.

И травы клонятся под бременем
Забот ушедших так давно,
Их души изошлись уж семенем,
Но грезят травы прошлым всё равно.

Калина ягодой пылает
На ветках голых и давно,
Пусть про забвенью тоже знает,
Но веткою стучит в окно.

х х х

Сосна чуть видна на пригорке,
И глохнет тишиною лес,
Мороз рисует на оконной створке
Узор нам посланный с небес.

Моя слава заплутала...

Моя слава заплутала
В ветре и дожде,
Она птицей улетала-
Нет её нигде.

Не ловлю её нахрапом,
Не ломлюсь я напролом,
Не крадусь я тихим сапом,
Не беру и на излом.

Может мне её не надо
На путях земных,
Не оно моя отрада
В чувствах не больных.

х х х

Моя слава заплутала
На путях земных,
За собой она позвала
Баловней своих.

Повесть про любовь

У леса на опушке
Тетерева пускают кровь
Летит перо, как из подушки,
Но эта повесть про любовь.

И эта повесть про подругу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.